

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ВЗЯТІИ ГУНИБѢ И ПЛѢНЕНІИ ШАМИЛЯ.

(Составлено по запискамъ и со словъ генерала Лазарева.) (*)

Еще 10-го августа, т. е. за 8 дней до пріѣзда главнокомандующаго, князя Барятинскаго, началась строгая блокада Гунибъ-Дага, а 16-го генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, найдя возможнымъ начать переговоры съ Шамилемъ, поручилъ

(*) Описание всякаго военно-историческаго событія очевидцемъ имѣеть ту особенность, что въ немъ обыкновенно изложена, съ большею или меньшею подробностію, известная сторона этого событія, въ которой дѣйствующимъ лицомъ или очевидцемъ былъ самъ авторъ; другія же стороны описаны коротко и часто невѣрно. Изъ такихъ отдѣльныхъ статей, взаимно дополняющихся, составляется полное понятіе о всемъ событіи. То же самое можно сказать и о множествѣ помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ статей о взятіи Гуниба: весь ходъ военныхъ дѣйствій, предшествовавшихъ плѣненію Шамиля, разработанъ до послѣдней степени подробности, и въ настоящее время нѣтъ ни одного сколько-нибудь невыясненнаго факта. О ходѣ же переговоровъ на Гунибѣ съ Шамилемъ читающей публикѣ известно весьма мало. Это и понятно, если взять въ соображеніе, что участниковъ въ переговорахъ бываетъ всегда несравненно менѣе, чѣмъ очевидцевъ военныхъ дѣйствій. Даже принимавшіе участіе въ переговорахъ, но незнакомые съ мѣстнымъ языкомъ, не могли совершенно вѣрно передать послѣдовательный ходъ ихъ, будучи часто сами вводимы въ заблужденіе переводчиками. Последняя изъ немногихъ написанныхъ по этому предмету статей („Русское Слово“, № 7-й 1865 г., ст. г. Губарева) даетъ читателю все, что только могъ собрать добросовѣстный и любознательный туристъ; однако нельзя не замѣтить, что она не представляетъ описываемаго событія въ истинномъ свѣтѣ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія почерпнуты изъ записокъ хаджи-Али, бывшаго при Шамилѣ нукеромъ, вовсе незнавшаго русскаго языка и притомъ вращавшагося въ очень ограниченномъ кругѣ дѣйствій.

Настоящая статья, написанная мною со словъ Ивана Давыдовича Лазарева, проведшаго всю службу въ Дагестанѣ, основательно знающаго татарскій языкъ, а главное—принимавшаго непосредственное участіе въ веденіи переговоровъ, можетъ быть, нѣсколько ознакомить читателей съ этимъ интереснымъ событіемъ.

Ир. авт.

веденіе ихъ полковнику Лазареву (*). 17-го августа, утромъ, полковникъ Лазаревъ, въ сопровожденіи гимринскаго жителя *Сауда*, родственника Шамиля, прибылъ въ селеніе *Готоча* (гдѣ былъ расположенъ 1-й баталіонъ Самурскаго полка, съ частію милиціи), ближайшей къ сторонѣ непріятеля позиціи на сѣверо-восточной сторонѣ Гунибъ-Дага, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ отряда мюридовъ, бывшихъ тамъ подъ начальствомъ Кази-Магомы, сына Шамиля.

Немедленно по пріѣздѣ въ аулъ Готоча, полковникъ Лазаревъ послалъ *Сауда* къ Шамилю передать требованіе генераль-адъютанта барона Врангеля. Шамиль, не давъ положительнаго отвѣта, просилъ чрезъ своего сына, чтобы съ нашей стороны участвовалъ въ предстоящихъ переговорахъ и *Даніель-бекъ* (**), незадолго до осады Гуниба передавшійся на нашу сторону. За Даніель-бекомъ, который, послѣ свиданія съ главнокомандующимъ, получивъ отъ него прощеніе, жилъ въ аулѣ *Ирибъ*, было немедленно послано. 18-го числа пріѣхалъ Даніель-бекъ, а вслѣдъ за нимъ прибылъ и главнокомандующій, послѣ поѣздки по Аваріи и Койсубу. Въ тотъ же вечеръ князь Барятинскій, потребовавъ къ себѣ полковника Лазарева, далъ ему точныя наставленія касательно веденія переговоровъ, склонивъ къ участию въ нихъ и Даніель-бека, естественно опасавшагося свиданія съ мстительнымъ имамомъ: „я поручаю васъ полковнику Лазареву—сказалъ князь—онъ васъ защититъ“. Кромѣ Даніель-бека при полковникѣ Лазаревѣ находился полковникъ *Али-ханъ*, житель Хунзаха. Какъ зять аварскаго жителя *Исачилова-Дебира*, одного изъ самыхъ приближенныхъ Шамиля и бывшего во время блокады наибомъ Гуниба, *Али-ханъ* могъ быть очень полезенъ въ предстоящихъ переговорахъ. Поздно вечеромъ полковникъ Лазаревъ, въ сопровожденіи названныхъ лицъ и нѣсколькихъ человѣкъ горскихъ милиціонеровъ, спустился къ Кара-Койсу (ниже Гуниба), гдѣ провелъ ночь, и, прибывъ на раз-

(*) Нынѣ генераль-майоръ и командующій 21-ю пѣхотною дивизіею.

(**) Такое желаніе Шамиля было тѣмъ болѣе странно, что Даніель-бекъ (тестъ сына Шамиля, Кази-Магомы) незадолго до осады Гуниба не только передался русскимъ, но и уговорилъ 27-го іюля всѣхъ бѣглыхъ жителей (абрековъ) изъ Залаталъ, Нужи и другихъ мѣстъ, въ числѣ до 500 человѣкъ, не переселяться на Гунибъ, обѣщая свое ходатайство передъ русскимъ правительствомъ. Лишивъ этимъ Шамиля возможности усилить гарнизонъ Гуниба, Даніель-бекъ возбуждалъ глубокую къ себѣ ненависть въ имамѣ.

Пр. аст.

свѣтъ въ аулъ Готовъ, послалъ мусульманина *Саида* къ сыну Шамиля Кази-Магомъ съ извѣстіемъ о началѣ переговоровъ и съ предложеніемъ свиданія близъ этого селенія. Кази-Магома, съ разрѣшенія Шамиля, согласился, но съ условіемъ, чтобы съ каждой стороны было не болѣе 10 человекъ, а мѣстомъ встрѣчи назначилъ гунибскіе сады (на крутой покатости у входа въ Гунибъ). Полковникъ Лазаревъ отправился, согласно съ этимъ желаніемъ, къ гунибскимъ садамъ, и дѣйствительно вскорѣ выѣхалъ Кази-Магома, сопровождаемый небольшою свитой; но тотчасъ же съ другой стороны показалась толпа отборныхъ мюридовъ съ четырьмя значами (*). По предложенію Кази-Магомы, всѣ присутствующіе слѣзали съ лошадей и сѣли на разостланныя вокругъ бурки. Полковникъ Лазаревъ, указавъ на стоявшихъ въ отдаленіи мюридовъ, замѣтилъ, что условія не соблюдены въ точности, на что Кази-Магома уклончиво отвѣчалъ, что толпа эта не болѣе какъ любопытные. Начавъ краткимъ изложеніемъ отчаяннаго для Шамиля положенія дѣлъ, полковникъ Лазаревъ доказалъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія при полной покорности всѣхъ горскихъ народовъ Дагестана государю императору, и совѣтовалъ, уступивъ необходимости, согласиться, пока есть время, на предложеніе главнокомандующаго, дозволяющаго Шамилю со всей его свитой свободный выходъ изъ предѣловъ Россіи въ Мекку на постоянное жительство, чѣмъ предоставитъ рѣшеніе своей участи бою, несчастнымъ исходомъ котораго для всякаго очевиденъ. Кази-Магома былъ внутренно совершенно того же мнѣнія, какъ можно было замѣтить изъ нѣсколькихъ сказанныхъ имъ невзначай словъ, но присовокупилъ, что врядъ-ли отецъ его согласится, что если бы даже и могъ согласиться на эти условія, то не приметъ ихъ, при вѣнѣннн ручательствѣ въ точномъ ихъ исполненіи со стороны русскихъ; при этомъ упомянулъ о переговорахъ, заключенныхъ генераломъ Фези въ Тилитѣ въ 1837 году и генераломъ Граббе въ 1839 году въ Ахульгѣ и будто бы ими нарушенныхъ, и прибавляетъ, что Шамиль боится, что и теперь главнокомандующій не выполнитъ своихъ обѣщаній, а потому смерти отъ измены онъ предпочитаетъ сопротивленіе до послѣдней крайности. Полковникъ Лазаревъ возразилъ, что, не говоря уже о сомнительности

(*) Это были, какъ оказалось впоследствии, злохранители Шамиля и Кази-Магомы.

самыхъ фактовъ, эти примѣры неумѣстны и потому, что въ тѣ времена никакіе договоры не могли быть неизмѣнны, такъ какъ Шамиль хотя и повелѣвалъ тогда почти всѣмъ Дагестаномъ, но власть его надъ многими народами была еще очень слаба (*), и мусульмане нарушали свои обязательства не только безъ позволенія своего повелителя, но часто и противъ его воли. Потому серьезные договоры не могли быть тогда заключаемы, и, сколько извѣстно, ни въ 1837 году, ни въ 1839 году никакихъ особенно важныхъ договоровъ между русскими и Шамилемъ не происходило, да и наши генералы не были къ тому уполномочиваемы; въ настоящее же время слово главнокомандующаго, облеченнаго обширною властію, неизмѣнно; если же словамъ посланныхъ не вѣрять, то полковникъ Лазаревъ обѣщаль привезти письменныя условія самого главнокомандующаго. Не находя возраженія, Кази-Магома сказалъ, что и при согласіи со стороны Шамиля къ переселенію въ Турцію онъ не можетъ этого исполнить безъ вѣдома султана; а потому Шамиль просить главнокомандующаго дать ему возможность отправить гонца въ Константинополь за разрѣшеніемъ турецкаго султана, и чтобы до полученія отвѣта русскіе ничего не предпринимали противъ Гуниба. Полковникъ Лазаревъ возражалъ, что подобныя условія ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть приняты; но если Шамиль согласится ожидать отвѣта изъ Константинополя въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, Дербентъ или Дешлагаръ, то, вѣроятно, князь Барятинскій позволитъ послать къ султану, а стоять съ войсками на позиціи подъ Гунибомъ въ ожиданіи отвѣта — вещь несбыточная. Впрочемъ, полковникъ Лазаревъ прибавилъ, что это его личныя замѣчанія, основанныя на его же предположеніяхъ, неизмѣняющаго значенія безъ утвержденія ихъ главнокомандующимъ. Кази-Магома молчалъ. Воспользовавшись нерѣшительностію Кази и его совѣтниковъ,

(*) Какъ вообще много позволили себѣ и въ обращеніи съ Шамилемъ даже лица, наиболее приближенные къ нему, видно изъ слѣдующаго интереснаго случая. Въ 1837 году, во время путешествія въ Бозъ цочивающаго государя императора по Кавказу, генералъ Кюки-фонъ-Клугенау назначилъ Шамилю свиданіе близъ Гимровъ (въ ур. Куршаны), съ цѣлю уговорить его выхвать съ полной покорностію въ Тюелись на встрѣчу Его Величеству; по окончаніи безуспѣшныхъ переговоровъ, генералъ Клугенау на прощанье протянулъ Шамилю руку, и когда послѣдній хотѣлъ сдѣлать тоже, то одинъ изъ его приближенныхъ юрридовъ, храбрѣйшій и любимѣйшій его наибъ Ахверды-Магомы, ударилъ Шамиля по протянутой уже рукѣ, сказавъ, что неприлично имаму подавать руку невѣрному.

Прим. авт.

полковникъ Лазаревъ ясно выставилъ имъ неизбѣжныя послѣдствія упорства Шамиля, напомнилъ несчастную участь жителей Ахульго, сдѣлавшихся въ 1839 году жертвою собственнаго не-благоразумія, совѣтовалъ не предаваться заманчивымъ мечтамъ, будто съ наступленіемъ осени отрядъ сниметь блокаду Гуниба, такъ какъ ни одинъ солдатъ не уйдетъ, пока послѣднее убѣжище Шамиля не будетъ взято; а лучше послѣдовать внушенію благоразумія и согласиться на условія; пока ихъ еще предлагаютъ, тогда какъ, упорствуя, они или погибнуть всѣ, или принуждены будутъ сдаться безусловно военноплѣнными. Убѣжденный этими доводами, Казим-Магома, прощаясь съ полковникомъ Лазаревымъ, обѣщавъ постараться, при помощи своихъ совѣтниковъ, склонить Шамиля къ принятію предлагаемыхъ условій и на другой день прислать въ нашъ лагерь отвѣтъ. Пріѣхавъ на *Езерскія* высоты, полковникъ Лазаревъ явился къ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту Милютину, съ донесеніемъ какъ о ходѣ переговоровъ; такъ и о томъ, что врученнаго ему главнокомандующимъ къ Шамилю воззванія онъ не передалъ, по той причинѣ, что въ немъ было, между прочимъ, выраженіе (сложить оружіе), могшее оскорбить не только Шамиля, но и гарнизонъ его, и безъ того находившійся въ крайне-напряженномъ нравственномъ состояніи. Генералъ-адъютантъ Милютинъ, равно и князь Барятинскій одобрили это распоряженіе. Въ тотъ же день написано было другое письмо отъ главнокомандующаго и рано по утру отправлено полковникомъ Лазаревымъ съ поручикомъ Магомой (*) и съ бывшими наббами: сограгинскимъ *Курбонлыловымъ* и араканскимъ *Домолоно-Матомой*. По пріѣздѣ на Гунибъ, Магома представленъ былъ Шамилю и передалъ ему письмо главнокомандующаго. Прочитавъ письмо, Шамиль и всѣ окружающіе его мурзды горько упрекали Магому, что ему, особенно непростительно, какъ ученому мусульманину, быть на сторонѣ невѣрныхъ, что онъ не только вступилъ въ ихъ службу, но даже рѣшился пріѣхать къ правотѣрнымъ съ письмомъ, говорящимъ о гибели самого Шамиля и всѣхъ его вѣрныхъ слугъ. Магома со смѣлостію и энергіей, всегда его отличавшими, произнесъ рѣчь, о которой и теперь еще часто толку-

(*) Дженгутасевскій житель поручикъ Магома-Пассанъ-Гуссейинъ-оглы извѣстенъ всѣмъ горскимъ народамъ Дагестана столько же своею ученостію, сколько и храбростію.

ють въ народѣ. „Шамилъ—сказалъ Магому—согласенъ на предложеніе сардара: они кошачьи: иначе я, какъ честный мусульманинъ, не привезъ бы ихъ. Но, зная искренность обѣщаній его, я пріѣхалъ сюда въ надеждѣ, что слова мои, внушенныя добродѣтельнымъ къ тебѣ, предостерегутъ тебя отъ гибельнаго для всѣхъ насъ упорства. Вспомни Ахульго; вспомни, сколько мусульманскихъ семействъ погибло въ его стѣнахъ и сколько ихъ считалось пленеръ, развѣянныя по Россіи, а многіа исповѣдуютъ уже христіанскую вѣру. Помни: та же участь грозитъ и тебѣ со всѣми вѣрными и храбрыми твоими слугами.“ Шамилъ молчалъ. „Казалось, онъ, какъ и всѣ присутствовавшіе, былъ тронутъ безъискусственною рѣчью Магомы. Приказавъ написать главнокомандующему, онъ отправилъ двухъ набобовъ, Юнуса и Инхачилова, съ письмомъ, въ которомъ, свидѣтельствуя князю Барятинскому благодарность за его великодушіе, упоминалъ, что о предлагаемомъ ему теперь переселеніи въ Турцію онъ давно уже думалъ, но что, впрочемъ, посмѣя доверенныхъ лицъ, набобовъ Инхачилова и Юнуса, онъ поручилъ имъ подробно и опредѣлительно объявить о его желаніи.

Посланные, въ сопровожденіи Магомы, спустились къ Кара-Койсу, гдѣ полковникъ Лазаревъ встрѣтилъ ихъ, а въ лагерь представилъ главнокомандующему, вручивъ и письмо. Князь Барятинскій потребовалъ отъ посланныхъ то же самое, что изложено было во второмъ письмѣ къ Шамилу, т. е. чтобы онъ самъ явился для переговоровъ, на что Инхачиловъ и Юнусъ отвѣтили, что повелитель ихъ опасается вѣхать въ лагерь и, соглашаясь на переселеніе въ Турцію, не можетъ исполнить этого безъ разрѣшенія султана, почему необходимо отправить въ Константинополь курьера, а до его возвращенія просить прекратить военныя дѣйствія противъ Гунуба. Въ доказательство же искренности своихъ желаній и отсутствія заднихъ мыслей онъ готовъ даже прислать своихъ сыновей, Кази-Магому и Магомета-Шафи, въ русскій лагерь, но, впрочемъ, подъ условіемъ ежели и съ нашей стороны будутъ отправлены заложниками на Гунубъ одинъ генералъ (*) и полковникъ Ла-

(*) Генералъ этотъ занималъ одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ кавказской арміи.

заревъ (*). Справедливо раздраженный дерзкимъ требованіемъ имама, князь Барятинскій сказалъ, что онъ ведетъ войну не съ сыновьями Шамиля, а съ нимъ самимъ, и что ежели онъ хочетъ покориться, то пусть явится самъ, что и приказалъ передать Шамилю, съ требованіемъ немедленнаго и рѣшительнаго отвѣта—*да или нѣтъ*. 21-го, рано утромъ, *Исачалос* и *Юнус* отправились на Гунибъ, обѣщавъ воротиться или прислать положительный отвѣтъ; но въ этотъ день отвѣта не было получено.

Въ обращеніи съ самимъ главнокомандующимъ, *Иначкловъ* и *Юнусъ* держали себя такъ надменно, какъ настоящіе уполномоченные могущественнаго восточнаго государства, а при встрѣчѣ съ другими лицами гордые мюриды почти не обращали вниманія на ихъ пріѣзтъ. 22-го, утромъ, генералъ-адъютантъ *Милютинъ* приказалъ написать на арабскомъ языкѣ, отъ своего имени, къ Шамилю, чтобы требуемый главнокомандующимъ отвѣтъ былъ немедленно присланъ; въ тотъ же день посланный вернулся съ написаннымъ на оборотѣ того же письма отвѣтомъ, что Шамиль не согласенъ на сдѣланныя ему предложенія, что наверху *Вогъ*, а на Гунибѣ правовѣрные мусульмане, и въ рукахъ ихъ мечи для священнаго казавата (**).

Переговоры тѣмъ и кончились, а военныя дѣйствія возобновились.

Не вдаваясь въ подробности штурма Гуниба, извѣстныя изъ официальныхъ донесеній и множества отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, скажу только, что первый взорелъ на эту гору, на разсвѣтъ 25-го числа, *Аншеромскій* полкъ, преодолевъ невѣроятныя трудности, и появленіемъ своимъ произвелъ такое смутеніе во всемъ населеніи Гунибъ-Дага, что Шамиль, оставивъ оборону укрѣпленій, прислалъ съ большей частью своего гарнизона къ аулу Гунибъ. Потому почти одновременно съ разныхъ сторонъ вока-

(*) Это требованіе Шамиля, какъ слишкомъ уже дерзкое, оставалось у насъ тайною между немногими лицами; Шамиль же, напротивъ, далъ ему въ Гунибѣ, полную гласность, вѣроятно съ цѣлю скрыть свое отчаянное положеніе притворной заночивостію съ русскими и тѣмъ сколько-нибудь ободратить гарнизонъ Гуниба. Въ настоящее же время оно вѣроятно происку въ Дагестанѣ, но часто въ искаженномъ видѣ, а потому я рѣшился упомянуть здѣсь о немъ единственно съ цѣлю предостеречь заблужденіе тѣхъ, которые основываютъ справедливость описываемыхъ или саватовъ лишь на народной молвѣ.

(**) Казаватъ — война за веру.

Примѣчанія стр.

зались на гунибскія высоты: съ южной — баталіонъ Самурскаго полка и 21-й стрѣлковый баталіонъ, съ сѣверной — одинъ баталіонъ Грузинскаго, одинъ Ширванскаго и одинъ Самурскаго полковъ, съ частію медици при каждомъ; Дагестанскій полкъ съ западной, а остальные три баталіона Ширванскаго полка съ восточной стороны. Всѣ эти войска немедленно сосредоточились вокругъ аула Гунибъ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла. Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, какъ командующій войсками, сдѣлавъ еще наканунѣ всѣ распоряженія къ штурму Гуниба, на слѣдующій день, рано утромъ, 25-го числа, проѣзжая по кавказскому спуску къ Кара-Койсу, замѣтилъ блескъ штыковъ на вершинахъ Гунибъ-Дага. Съ этимъ давно ожидаемымъ, радостнымъ извѣстіемъ онъ послалъ къ главнокомандующему ротмистра Граббе. Князь Варягинскій, получивъ донесеніе о взятіи Гуниба, несмотря на болѣзненное состояніе, сѣлъ на лошадь и отправился вслѣдъ за войсками, дѣлая на пути распоряженія къ предупрежденію бѣгства Шамиля. Полковникъ Лазаревъ, въ качествѣ начальника вновь покореннаго края, разослалъ во всѣ окрестныя селенія отряды кавалеріи для объявленія жителямъ о взятіи Гуниба и для занятія всѣхъ доступныхъ пунктовъ съ цѣлію предупредить бѣгство Шамиля. Прибывъ къ войскамъ, князь Варягинскій приказалъ прекратить начавшуюся кое-гдѣ перестрѣлку. Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, стоявшій со своимъ штабомъ впереди отряда, въ разстояніи полуружейнаго выстрѣла отъ непріятеля, послалъ къ Шамилю съ требованіемъ отъ него безусловной покорности, подъ опасеніемъ немедленнаго начатія штурма, на случай котораго отданы уже были соответственные приказанія всѣмъ частнымъ начальникамъ.

Вскорѣ вышли изъ аула двое посланныхъ отъ Шамиля: одинъ — вышеупоминаемый чиркеевскій житель Юнусъ, а другой житель Чоха — *заджи-Али*, и прямо отправлены были къ главнокомандующему, находившемуся тогда позади отряда въ полутора верстѣ. Встрѣтивъ на пути полковника Лазарева, посланные сообщили ему, что имамъ желаетъ заключить съ русскими миръ. Полковникъ Лазаревъ совѣтовалъ имъ не раздражать главнокомандующаго такими предложеніями, такъ какъ теперь уже поздно договариваться о мирѣ, а можно только просить милости.

Черезъ полчаса Юнусъ вернулся въ аулъ, ничѣмъ не рѣ-

ширъ, а хаджи-Али, передавшись на нашу сторону, остался при отрядѣ. Разстояніе, отдѣлявшее горцевъ отъ нашихъ войскъ, было такъ незначительно, что переговоры продолжались потому между обѣими сторонами словесно, чрезъ посредство Юнуса и полковника Лазарева. Несмотря на увѣщанія бывшихъ на нашей сторонѣ мусульманъ и совѣты полковника Лазарева, Шамиль колебался и медлилъ. Между тѣмъ приближался вечеръ, а нерѣшительность имама не подавала надежды на мирное окончаніе дѣла до наступленія сумерекъ, и потому баронъ Врангель, по предложенію главнокомандующаго, отдалъ приказаніе частнымъ начальникамъ о началіи штурма тотчасъ по данному имъ сигналу. Вышедшій въ это время изъ аула Юнусъ закричалъ, что Шамиль готовъ выйти къ главнокомандующему, но не иначе, какъ въ сопровожденіи полковника Лазарева, котораго поэтому и просить придти въ аулъ. Съ разрѣшенія генералъ-адъютанта барона Врангеля, полковникъ Лазаревъ, въ сопровожденіи переводчика Викилова (*), вошелъ въ аулъ. На небольшой площади встрѣтила его толпа великолѣпно вооруженныхъ мюридовъ, самыхъ приближенныхъ и отчаянныхъ любимцевъ Шамиля, въ числѣ около 40 человекъ. Посреди толпы стоялъ, рѣзко отъ нея отдѣлявшійся, около сѣрой осѣдланной лошади, облокотившись къ стѣнѣ одной изъ крайнихъ сакель, человекъ высокаго роста, съ угрюмымъ лицомъ. По величественной позѣ нетрудно было узнать въ немъ Шамиля. Встрѣтивъ мюридовъ привѣтствіемъ, полковникъ Лазаревъ, не показывая вида, что узналъ грознаго повелителя Дагестана, спросилъ у мюридовъ, кто изъ нихъ Шамиль; всѣ, указавъ на высокаго мужчину, единогласно отвѣтили: „вотъ имамъ“. Подзоровавшись съ Шамилемъ и отвѣтивъ утвердительно на вопросъ, не онъ ли Лазаревъ, полковникъ, послѣ короткаго, но довольно тяжелаго молчанія сказалъ: „Шамиль! Всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ, если ты, покоряясь силѣ судьбы, выйдешь сегодня къ главнокомандующему и предашь великодушію государя императора, чѣмъ спасешь отъ гибели 1,000 человекъ (**), оставшихся тебѣ вѣр-

(*) И. Д. Лазаревъ, совершенно свободно владѣющій татарскимъ языкомъ, взялъ переводчика на случай надобности для передачи извѣстій г.-а. барону Врангелю.

Пр. акт.

(**) Послѣ штурма Гунібъ-Дага, у Шамиля осталось въ живыхъ около 300 мюридовъ; кромѣ того въ аулъ было 150 дворовъ съ населеніемъ 700 человекъ.

Пр. акт.

ными. Они, за нкъ слѣпую и безграничную къ тебѣ преданность, заслуживаютъ отъ тебя этой жертвы. Итакъ, заверши свои славные подвиги поступкомъ благоразумія и великодушія, а сардаръ, облеченный царскою властію, можетъ много для тебя сдѣлать: онъ будетъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ объ обезпеченіи будущности твоей и твоего семейства. Я-Аглахъ (во имя Бога), пойдемъ, нечего медлить“—рѣшительно прибавилъ полковникъ Лазаревъ. Шамиль колебался; онъ опять выразилъ опасеніе за свою безопасность и, на увѣреніи полковника Лазарева въ полной неприкосновенности его особы, сказалъ: „если ты такъ убѣжденъ, что со мной русскіе не поступятъ дурно, то иди къ моимъ сыновьямъ и останься тамъ, покуда я не вернусь“. — „Я пришелъ сюда—сказалъ полковникъ Лазаревъ—по твоему желанію, чтобы вмѣстѣ идти къ главнокомандующему, а не приеланъ къ тебѣ аманатомъ. Если хочешь, пойдемъ теперь же, а не хочешь, то я уйду назадъ.“ Шамиль былъ въ нерѣшительности; между тѣмъ, въ толпѣ мюридовъ раздавался повременамъ грозный ропотъ: нѣкоторые, потрясая оружіемъ, говорили, что повелитель ихъ даромъ не попадетъ въ руки невѣрныхъ, а за смерть его они дорого заплатятъ; другіе совѣтовали Шамилю не склоняться на убѣжденія полковника Лазарева. Уговоривъ Шамиля не слушать безразсудныхъ совѣтовъ, полковникъ Лазаревъ обратился къ мюридамъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ выставилъ, какъ неблагоприятно съ ихъ стороны настаивать на бесполезномъ сопротивленіи, нѣсто того чтобы совѣтовать Шамилю полною покорностію избавить всѣхъ отъ неминуемой гибели.

Шамиль, все еще не рѣшаясь выйти изъ аула, спросилъ, что если онъ явится къ главнокомандующему, то позволено ли ему будетъ вернуться къ своему семейству; на это полковникъ Лазаревъ отвѣтилъ, что никто не хочетъ разлучать его съ семействомъ и что, вѣроятно, не будетъ препятствій къ возвращенію въ аулъ. Наконецъ Шамиль, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, рѣшился выйти къ главнокомандующему, но подъ условіемъ, чтобы на пути въ нашъ лагерь не было ни одного мусульманина, которыхъ онъ не хотѣлъ видѣть, какъ измѣнниковъ. Желаніе это было немедленно передано генералъ-адъютанту барону Врангелю и имъ исполнено. Черезъ нѣсколько минутъ нерѣшительности, Шамиль вышелъ изъ аула. Впереди слѣдовалъ полковникъ Лазаревъ, около него

Шамиль, окруженный толпой мюридовъ, державшихъ ружья наготовѣ въ рукахъ, съ засученными выше локтя рукавами. Итакъ, грозный владыка Чечни и Дагестана, герой 43 года; Ахулько, ичкеринскаго лѣса и Дарго, неуступавшій военными дарованіями умѣйшимъ полководцамъ и оказывавшій непреодолимое даже для храбрѣйшихъ и самыхъ стойкихъ въ мірѣ войскъ—кавказскихъ, послѣ тридцатилѣтней геройской обороны, истощенный въ неравной борьбѣ, сдается тѣмъ же самымъ войскамъ... Понятно, какия чувства наполняли душу солдата: единодушное оглушительное „ура!“ раздавалось по горамъ Дагестана. Пораженный неожиданнымъ, но давно знакомымъ ему боевымъ крикомъ нашихъ войскъ, Шамиль остановился въ тревожномъ недоумѣніи и повернулся уже къ ауду. Полковникъ Лазаревъ, видя, что наступила рѣшительная минута, закричалъ вслѣдъ Шамилю: „развѣ ты не видишь, что войска привѣтствуютъ тебя по приказанію сардаря?“ Подозрительный Шамиль, успокоившись, продолжалъ путь. Находчивость полковника Лазарева поправила дѣло, готовое, вслѣдствіе совершенно случайныхъ обстоятельствъ, разрѣшиться печально (*). Барона Врангеля, стоявшаго со своимъ штабомъ впереди войскъ, полковникъ Лазаревъ предупредилъ, чрезъ переводчика Викидова, не подавать руки Шамилю, въ избѣжаніе непріятнаго случая, бывшаго уже съ генераломъ Ключи-фонъ-Клугенау при свиданіи въ 1837 году. Шествіе приближалось къ войскамъ. Въ это время Даниель-бегъ, подойдя къ Шамилю и посовѣтовавъ ему быть обходительнѣе съ барономъ Врангелемъ и княземъ Барятинскимъ, протянулъ руку; гордый имамъ не только не подалъ своей, но и не посмотрѣлъ на бывшаго подданнаго, сказавъ, что на имѣнниковъ ему и глядѣть противно. Склонуженный Даниель-бегъ удалился. Баронъ Врангель, ласково отвѣтивъ на поклонъ Шамиля, сказалъ, что хотя до сихъ поръ русскіе и были его врагами, но теперь онъ найдетъ въ нихъ лучшихъ друзей.

Итакъ, первая встрѣча Шамиля съ русскими ознаменовалась словами мира и дружелюбнаго привѣтствія. Чрезъ нѣсколько минутъ имамъ поведенъ былъ къ главнокомандующему; подвели лошадей, и Шамиль, въ сопровожденіи полковника Лазарева и

(*). Напуганные крикомъ нашихъ войскъ, мюриды прежде всего хотѣли убить полковника Лазарева (что видно изъ разсказа свидѣтеля, бывшаго тогда при Шамилѣ. „Русское Слово“ ст. г. Губарева). Пр. джм.

адъютанта его управленія, прапорщика Узбашева, продолжалъ путь. Вся трудность заключалась теперь въ томъ, чтобы подвести Шамиля къ главнокомандующему одного, заблаговременно разлучивъ съ мюридами, которые все еще свирѣпо и очень недовѣрчиво глядѣли на русскихъ и, держа ружья въ рукахъ, казалось, каждую секунду готовы были начать рѣзню. Полковникъ Лазаревъ послалъ прапорщика Узбашева къ главнокомандующему съ донесеніемъ о скоромъ прибытіи Шамиля и за полученіемъ приказанія, какъ представить его (*), а самъ, между тѣмъ, убѣждалъ Шамиля оставить въ нѣкоторомъ отдаленіи своихъ мюридовъ, говоря, что съ такимъ множествомъ тѣлохранителей неприлично явиться къ главнокомандующему, безоружному и почти неизбѣжному при себѣ конвоя. Послѣ долгихъ увѣщаній полковника Лазарева, Шамиль наконецъ приказалъ мюридамъ остановиться, а самъ съ Юнусомъ и полковникомъ Лазаревымъ продолжалъ путь. Въ это время драгуны небольшими группами приближались къ мюридамъ и постепенно занимали мѣсто между ими и Шамилемъ. Вскорѣ прискакалъ прапорщикъ Узбашевъ и сказалъ полковнику Лазареву по-армянски, что генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, по порученію главнокомандующаго, приказалъ привести Шамиля, предварительно обезоруживъ его. Какъ ни важно было это приказаніе, но его нельзя было исполнить, не возбудивъ подозрѣнія въ имамѣ, который только что и едва склонился на увѣщанія полковника Лазарева оставить тѣлохранителей, не говоря уже, что обезоруженіе, вообще считаемое горцами большимъ безчестьемъ, едва-ли могло удасться безъ самыхъ рѣшительныхъ и энергическихъ мѣръ. Съ одной стороны, взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, а съ другой не видя опасности отъ Шамиля, находившагося съ однимъ только мюридомъ Юнусомъ среди русскихъ и отдѣленнаго отъ остальныхъ тѣлохранителей, полковникъ Лазаревъ рѣшился, на основаніи такихъ соображеній,

(*) Полковникъ Лазаревъ и прапорщикъ Узбашевъ разговаривали по-армянски, въ томъ предположеніи, что между тѣлохранителями Шамиля были, вѣроятно, понимавшіе русскій языкъ. Предусмотрительность эта была очень полезна, такъ какъ впоследствии оказалось, что Шамиль, именно съ цѣлю слѣдить за ходомъ нашихъ распоряженій относительно его, взялъ съ собой мюрیدا, знавшаго хорошо русскій языкъ. Мюрідъ этотъ былъ племянникъ каратынскаго хантъ-всенди, Муталатъ, сосланный въ Россію; впоследствии самъ онъ говорилъ генералу Лазареву о приказаніи, данномъ ему Шамилемъ, передавать разговоры нашихъ офицеровъ.

привести Шамиля вооруженнымъ, о чемъ сейчасъ же и донесъ генераль-адъютанту графу Евдокимову, представивъ, что Шамиль, будучи одинъ, совершенно безопасенъ.

Князь Барятинскій, находившійся въ полутора верстахъ отъ аула Гунибъ, на высотѣ, сидѣлъ въ роцѣ на большомъ камнѣ (*); возлѣ него стояли: прагъ Евдокимовъ, переводчикъ и полковникъ Трамбовскій, а нѣсколько далѣе—вся свита.

Подойдя къ главнокомандующему, Шамиль не поклонился. Возлѣ него стали: съ лѣвой стороны Юнусъ, съ правой полковникъ Лазаревъ, а около Юнуса прагъ Евдокимовъ и переводчикъ. „Шамиль—сказалъ князь Барятинскій—я предлагалъ тебѣ пріѣхать въ лагерь на Кегерекія высоты, обѣщая выгодныя условія. Ты не хотѣлъ; ну, такъ я самъ съ войсками пришелъ сюда, и, конечно, условія, предложенныя тебѣ прежде, теперь не имѣютъ уже мѣста, а участь твоя зависитъ отъ государя императора. Но я надѣюсь, что Его Величество уважитъ мое ходатайство о тебѣ.“

Когда слова эти были переданы Шамилю, онъ отвѣчалъ: „сардаръ! я не вниаю твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я простой уаденъ, тридцать лѣтъ дравшійся за религію; во теперь народы мои измѣнили мнѣ, а намы разбѣжались, да и самъ я утомился; я старъ: мнѣ 63 года. — Не гляди на мою черную бороду: я сѣдъ (съ этимъ словомъ онъ поднялъ крашеную снаружи бороду и показалъ покрывавшую ее сѣдину). Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю государю успѣха въ управленіи горцами, для блага ихъ“.

„Я немедленно пошлю тебя къ государю императору, и одинъ изъ моихъ близкихъ повезетъ тебя“, сказалъ князь Барятинскій, указавъ рукой на полковника Трамбовскаго. — „Теперь же ты, какъ военнопленный, поѣдешь съ нимъ въ лагерь, а полковникъ Лазаревъ распорядится привести туда и все твое семейство.“ Съ этимъ словомъ главнокомандующій

(*) На томъ же мѣстѣ камень этотъ лежитъ и теперь; на немъ крупными буквами означены мѣсяцъ и число вѣятія Гуниба и плѣненія Шамиля. Надъ камнемъ построена бесѣдка. Въ октябрѣ нынѣшняго года, главнокомандующій кавказскою арміею, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, во время поѣздки по'среднему Дагестану, былъ на Гунибѣ и вѣстѣ съ Великою Княгиней Ольгой Феодоровной посѣтилъ бесѣдку, около которой Ихъ Высочествамъ представленъ былъ унтеръ-офицеръ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка—*Молдыль*, первый взобравшійся на отвѣсную скалу Гунибъ-Дага. *Пр. автора.*

всталъ и ушелъ, поручивъ Шамиля графу Бадокимову. Шамиль былъ пораженъ, дрожалъ и мѣрлся въ лицѣ. Обратясь къ полковнику Лазареву, онъ сказалъ: „ты обманулъ меня!“ Положение было критическое. Шамиль, держась правой рукой за рукоять кинжала, стоялъ такъ близко, что при нападеніи не было никакой возможности защищаться шапкой, и полковникъ Лазаревъ рѣшился, въ случаѣ крайности, ударомъ булава сбросить имама въ яручу; однако дѣло кончилось мирно. „Успокойся—сказалъ полковникъ—вспомни, что тамъ были мои слова, здѣсь приказанія главнокомандующаго; исполни ихъ, и ты не будешь расказываться.“ Шамиль, въ сопровожденіи графа Бадокимова, уѣхалъ, а полковникъ Лазаревъ пошелъ къ мюридамъ, которые, не видя долго своего повелителя, стали подозревать, что онъ убитъ, и свирѣпо бросились на подосѣдшаго полковника Лазарева, требуя имама. „Онъ бесѣдуетъ съ главнокомандующимъ—сказалъ имъ полковникъ Лазаревъ—а я ѣду за его семействомъ. Слѣдуйте сейчасъ же и вы за мной! А то солдаты, пожалуй, растаскаютъ вашихъ женъ.“ Тутъ мюриды, забывъ про имама, сами просили полковника Лазарева поспѣшить въ аулъ. Такому благополучному исходу дѣла много способствовали большой бугоръ и нѣсколько деревьевъ, скрывавшихъ отъ глазъ мюридовъ сцену съ Шамилемъ: иначе неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло, начавшееся подъ предзнаменованіями зловѣщими, тѣмъ болѣе, что изъ всего отряда вблизи былъ только эскадронъ драгунъ.

Придя съ мюридами въ аулъ, полковникъ Лазаревъ вошелъ въ саклю, гдѣ помѣщалось семейство Шамиля. Молодой Кази-Магома встрѣтилъ его съ рыданіемъ ло отцѣ, котораго онъ считалъ уже погибшимъ; но когда получилъ приказаніе собраться со всѣмъ своимъ семействомъ и съ семействомъ Шамиля къ немедленному отъѣзду въ лагерь, отчаяніе его не имѣло предѣловъ, и только съ большимъ трудомъ полковникъ Лазаревъ, при помощи прибывшаго туда тестя Магомы, Даніель-бека, успѣлъ успокоить молодаго человѣка.

Главной заботой полковника Лазарева было теперь приготовить все скорѣе къ отправленію семейства Шамиля въ лагерь, что онъ и исполнилъ успѣшно, съ помощію усердно хлопотавшаго Даніель-бека и 50-ти лошадей, взятыхъ у милиціонеровъ. Несравненно труднѣе было исполненіе другаго приказанія главнокомандующаго: очистить аулъ Гунибъ отъ семействъ всѣхъ

пришельцевъ, а мюридовъ, составлявшихъ гарнизонъ Шамиля, обезоруживъ, арестовать для передачи суду. Последнее было особенно затруднительно. Полковникъ Лазаревъ, всю жизнь проведенный на службѣ въ Дагестанѣ, преимущественно по народному управленію, и хорошо знакомый съ характеромъ горцевъ, видѣлъ, что обезоруженіе самыхъ воинственныхъ изъ подданныхъ Шамиля — мюридовъ, еще такъ недавно обрекшихъ себя на вѣрную смерть въ защиту своего имама — дѣло невозможное, по крайней мѣрѣ мирнымъ путемъ. Но, зная также равнодушіе горцевъ къ политическимъ переворотамъ, онъ нашелъ возможнымъ отпустить мюридовъ на свободу, въ полной увѣренности, что они, при отсутствіи иныякихъ возбуждающихъ обстоятельствъ, сдѣлавшись такими же мирными жителями, какъ и всѣ вновь покоренные, явятся по требованію, и, слѣдовательно, впоследствии съ ними можно будетъ поступить, согласно приказанія главнокомандующаго, мѣрами административными. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, полковникъ Лазаревъ, какъ начальникъ вновь покореннаго края, въ продолженіе получаса роздалъ всѣмъ мюридамъ билеты (*) на свободное жительство, приказавъ немедленно разойтись съ семействами въ свои аулы, а по первому требованію явиться въ управленіе. Довольные мюриды не заставили повторять приказаніе. Такимъ образомъ, до наступленія сумерекъ, всѣ распоряженія были окончены, въ аулѣ не осталось никого кромѣ постоянныхъ его жителей, и полковникъ Лазаревъ отправился съ семействомъ Шамиля въ лагерь.

На половинѣ дороги путниковъ застала такая темная нѣчь, что о продолженіи пути нельзя было и думать, особенно взявъ въ соображеніе необходимость зоркаго надзора за плѣнниками; поэтому полковникъ Лазаревъ, добравшись кое-какъ ночью по трудно-проходимымъ тропинкамъ до лагеря Ширванскаго полка (на лѣвомъ берегу Кара-Койсу), расположился тамъ на ночлегъ.

Къ довершенію неприятностей, Магометъ-Шаффи, со своимъ семействомъ, съ женой Шамиля и съ десятью мюридами, неизвестно куда скрылся и только послѣ продолжительнаго розыска обезпеченнаго полковника Лазарева былъ найденъ, близъ сел. Куджи, въ лагерь конно-иррегулярнаго полка, на правомъ

(*) На билетахъ означались только имя и фамилія отпускаемаго и прикладывалась очень уважаемая горцами печать начальника.

берегу Кара-Койсу, куда онъ случайно попалъ, обвинись въ темнотѣ съ пути и отдѣлившись отъ полка. По соединеніи съ Магомедомъ-Шаффи, рано утромъ полковникъ Лазаревъ благополучно прибылъ въ главный лагерь и немедленно представилъ обрадовавшему Шамилю семейство его, напомнивъ при этомъ вчерашній несправедливый упрямъ его въ обманѣ. Шамиль добродушно просилъ извиненія, говоря, что онъ не надѣялся на такой дружелюбный пріемъ русскихъ. По сдачѣ пленныхъ и обезоруженіи сыновей Шамиля, полковникъ Лазаревъ явился къ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту Милютину, съ донесеніемъ о всѣхъ сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, представивъ вышеназложенныя причины, позволяющія ему въ точности исполнить приказаніе главнокомандующаго касательно арестованія мюридовъ. Генералъ-адъютантъ Милютинъ, одобрявъ дѣйствія полковника Лазарева, донесъ о нихъ князю Барятинскому. Мюриды были освобождены отъ суда.

В. ФИЛИППОВЪ.

Темиръ-Ханъ-Шура.
29-го ноября 1865 года.